

ЯРОСЛАВ ЯРОСЛАВЦЕВ

МИЛИЦА НЕЧКИНА

Литературно-психологический очерк

Москва
НОВЫЙ ХРОНОГРАФ
2010

Ярославцев, Я.А.

я 76 Милица Нечкина: лит.-психолог. очерк / Ярославцев Я. А. — М. : Новый хронограф, 2010. — 128 с. : ил. — ISBN 978-5-94881-111-6.

В книге предпринята попытка дать личностный, психологический (и одновременно «научно-общественный») портрет Милицы Васильевны Нечкиной, русского ученого, автора выдающихся исторических исследований, острых, неоднозначных полемических и публицистических статей, яркой поэтессы начала 20-х, ставшей в последующие годы официальным советским историком, лауреатом сталинской и прочих премий, депутатом, орденосцем... Ее жизненный путь рассмотрен сквозь призму общественно-политической жизни страны, вместе с которой она прошла сложный и долгий путь. В «ленинскую», «сталинскую», «хрущевскую», «брежневскую» главы отечественной истории нечкинские страницы «впечатались» на удивление цельно и четко. Автор книги делится воспоминаниями от встреч с героиней, воссоздает неповторимый «аромат» ее индивидуальности. Сильно и смело в книге использованы образы из любимых миллионами читателей произведений художественной литературы. Скромный по размеру, новаторский по сути очерк «Милица Нечкина» будет интересен всем, кому безразлична история родной страны, судьба ее творческой интеллигенции, рельефно и драматически искривленная эпохой.

Агентство СІР РГБ

ISBN 978-5-94881-111-6

© Ярославцев Я.А., 2010
© Байдина А.В., 2010
© Издательство
«Новый хронограф»

Откуда взяться нашей теме?
Между тем она вполне законна.

Нечкина М.В.
ВСТРЕЧА ДВУХ ПОКОЛЕНИЙ

Много воли дано вашей сестре
при советской власти, —
сказали в крайнем слева пенале.

Ильф И., Петров Е.
ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ

Очерк о Милице Васильевне Нечкиной, историке и человеке, мы начнем нестандартно — как порой поступала она сама. Своим ученикам М.В. предлагала — если позволяют возможности и обстоятельства — делать именно так. В качестве примера выступала ее работа о художественных образах у Маркса. При полном уважении к классику, Нечкина говорила о нем легко и просто. Советский читатель, по ее словам, ждал зачина: «Великий социалист... Основоположник... бу-бу-бу...» (последние звуки, с поминанием *пономаря*, она издавала «похоже»). А я, — продолжала М. В., — одну из работ о Марксе начала так: «Постановка вопроса. В два часа ночи... Карл Маркс отложил в сторону корректурный лист...»¹

В той же работе было отмечено значение *первого образа* в исследовательском тексте. «Первый образ Шекспира, появляющийся в «Капитале», комический, — читаем здесь. — Вдова Куикли... появляется в первой главе, посвященной стоимости». И далее у Нечкиной: «субстанция стоимости», с одной стороны, — и «реальнейшая миссис Куикли» (с коей

И вправду так. См.: Нечкина М.В. Функция художественного образа в историческом процессе. М., 1982, с. 205. В качестве одного из источников в настоящем очерке использованы наши аспирантские воспоминания об академике. Встреч с М.В. было меньше, чем хотелось бы, серьезных и долгих бесед — того меньше, но их содержательность искупала все. А коль так — донести до читателей живую речь Нечкиной считаем делом важным. Иначе потомкам останутся лишь записи в ее дневниках (выдающихся в своем роде, но ведшихся «заинтересованной стороной») да обточенная редакторами *галька* журнально-газетных интервью. «Расстроилась, бросила читать», — писала М.В. об одном из них. (Дневники академика М.В. Нечкиной. Публ. Е.Р. Кураповой и С.В. Копыловой. — Вопросы истории, 2006, №4, с. 136). Сверх же того — и *перечеть* кой-что из давних нечкинских текстов (а затем поразмыслить над узанным) лишним не будет.

Маркс стоимость как раз и сравнивал) находятся между собой в «контрастном столкновении».² Если учесть, сколь сложной *субстанцией* была сама М.В., в сколь *контрастных столкновениях* она состояла с ок-

2 Нечкина М.В. Функция художественного образа в историческом процессе. М., 1982, с. 242, 243.

ружающей действительностью, — завязка нашего очерка удивить не может. Фигурой Маркса, реальной во всех отношениях (но при этом ничуть не комичной), мы его открыли *не случайно*:

в контрастных литературно-политических взаимосвязях М.В. состояла в том числе и с великим социалистом.

А основную часть «очерка» мы начнем так: *Неподражаемый Остап Бендер...*

Как вам — такая **постановка вопроса**, как вам — подобный **первый образ**? Любимый с детства герой... пример для подражания... цитирования... Герой из тех, что «действуют в литературе высокого ранга, исследующей фундаментальные проблемы свободы и морального выживания человека в условиях разного рода принудительных систем».³ Вот какой герой.

3 Щеглов Ю.К. О романах И.Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». — В кн.: Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Роман. Щеглов Ю.К. Комментарии к роману «Двенадцать стульев». М., 1995, с. 11. *Моральное выживание человека* — главные здесь слова, нас интересующие. А вот еще хорошие: «Кто должен изучать художественный образ? Литературовед? Искусствовед? Может ли историк обойтись без этого изучения? Конечно, не может!» Это слова нашего руководителя. (Нечкина М.В. Загадка художественного образа. М., 1972, с. 3). С некоторых пор мы тоже так думаем. Что же до **образа Бендера**, то в знаменитой диалогии он стал «выпирать из приготовленных для него рамок, приобретая все большее значение». Авторы никак «не могли с ним сладить». (Ильф И., Петров Е. Собр. соч. в 5-ти т. Т.5. М., 1961, с.513). (Далее ссылки на это издание в основном тексте: номер тома и номер страницы). Непросто будет *сладить* и нам, но из *приготовленных рамок* мы постараемся его не выпустить.

4 Малая Советская Энциклопедия (далее — МСЭ), т.7. Прямая — скулы. М., 1931, стлб. 350–351. У нас под рукой допечатка томов первого издания МСЭ, осуществленная в начале 30-х гг.

Итак, **постановка вопроса**.

Неподражаемый Остап Бендер носил в кармане страничку из весьма в те годы авторитетного издания, испещренную историческим, историко-географическим текстом. «Остап бросил на стол лист, вырванный из книги. — Это вырезка из «Малой советской энциклопедии». Вот что тут написано...» (2;30). Вьедливому читателю (из тех, кто не лезет слазить на полку и свериться с источником) легко убедиться: в названном эпизоде сын турецко-подданного демонстрировал (и выборочно зачитывал) строки из 7-го тома названного издания.⁴

Сведений об изъятии других страниц нет, но если б герой сподобился вырвать один из началь-

ных листов, то узнал бы, что в число редакторов входили А.Я. Вышинский, М.Н. Тухачевский, П.И. Лебедев-Полянский и другие видные деятели эпохи. «Наши уважаемые гипермодернисты», — мог бы сказать он (1;323). И здесь же — на равных — примостилась наша героиня. *На равных!* Один из главных отделов («История народов СССР») важнейшего идеологического проекта тех лет — «рупора пролетарской революции», издания «исторической важности»⁵ — возглавляла, к удивлению, мало кому известная и весьма еще юная особа. Ее перу в энциклопедии, кроме того, принадлежала куча статей, в том числе такие ответственные, как «Декабристы», «Чернышевский» и даже... «СССР» (в соавторстве). Гвоздевой материал издания! Юная особа, да... А.З. Манфред, впервые в 1927 году М.В. увидевший, запомнил ее «совсем молодую, хрупкую, изящную, женственную, внутренне собранную», со «звонким, чистым и проникновенным голосом...»⁶ Словно, добавим, со страниц художественного произведения сошедшую.

Работа над первым — открывавшим издание — томом МСЭ (где на почетном месте красовались те же имена) закончилась в 1928 году. А сколько она продолжалась?.. Ведь от руководителя ответственного отдела требовалось найти метод подачи материала, уточнить «словник», работать с авторами... отчитываться перед начальством... Сколько месяцев, а может, лет это длилось? И — сколько лет было тогда нашей героине?..⁷ И примите в соображение, что малоизвестной фигуре занять подобный пост было трудней, чем овечьному славою полководцу гражданской войны.

Трудней даже (если обратиться к введенному нами образу из великих советских романов), чем Остапу взойти на борт *тиражного парохода* — судна, являвшего собой «целое учреждение», со своим начальством, финчастью, кинохроникой, журналистами центральных газет, часовым у трапа... *Парохода-государства*, со своим даже *театром!* Парохода, где шли *заседания, совещания*, заключались «гендоговоры» (1;292,298, 299)... Реальное судно «Герцен» («романному» послужившее прототипом) было

5 Там же, т.1. Аа — ваниль. М., 1932, с.4.

6 Манфред А.З. Милица Васильевна Нечкина — мастер исторического повествования. — В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии. К 75-летию академика М.В. Нечкиной. М., 1975, с.25.

7 В дневнике М.В. читаем: «С первого до последнего тома я вела редакцию (9 томов!) и почти все сама написала. Начала работу в 1927 году». (Вопросы истории, 2005, №5, с. 130). Память ей, кажется, изменила: «над Малой энциклопедией» она корпела уже в 1924 г. (Там же, №3, с.132). Или то была некая «подготовительная» работа?..

к тому же от кормы до носа увешано лозунгами; на нем имелась выставка финансовой и денежной систем СССР. Тиражи начинались так: «„Прошу представителя РКИ снять печать“. Печати сняты, объявили заседание открытым...». Звучал гимн страны Советов... Государственный подход!⁸

И требовались начальству с того судна — внимание — художники! «Товарищ! — заорал Бендер. — Вы! Вы! Толстенький! Которому художник нужен!..» (1;295). В реальной жизни сие было не столь эффектно, но от факта не уйти: уже в 27–28 годах наша героиня вошла в круг избранных

Ильф И. Записные книжки. 1925 — 1937. М., 2000, с. 34,35,38. РКИ, если кто не знает, — «народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции, Рабкрин, орган контроля и рационализации сов. учреждений и предприятий». (МСЭ, т. 7. Прямая — скульпы. М., 1931, стлб. 358). Один из комиссариатов, на коих в те годы, в организационном плане, в стране все держалось.

Пароход РКИ
Рис. И.А. Малютина
Плавали и такие в тогдашнем художественном пространстве.

деятелей науки и культуры, стала частью советского истеблишмента. «Ведь верно? Ведь правильно?» (2;300). Кто-то подсобил, подставил плечо, выписал пропуск... (Не упустим важную аллегорическую деталь: государство-пароход двигалось в сторону... *Сталинграда*; в итоге туда и прибыло. Читателям о сем сообщалось буднично и просто (1;292,322). Что тут скажешь? «Работа художественных образов советской литературы — неисчерпаемая тема»!)⁹

...Отлично понимаем, что предложенный *поясняющий образ* (сравнение то есть М.В. со знаменитым литературным героем), вообще привлечение художественного материала к анализу личностных черт реальных исторических фигур... как бы помягче сказать... не всем понравится, однако не спешите

Нечкина М.В. Загадка художественного образа. М., 1972, с. 32.

с выводами; «насколько мы были правы — покажет дальнейшее изложение». ¹⁰ Если нечто в облике Нечкиной в подобном свете выступит более выразительно, если «Человек в Истории» (и История в нем) по прочтении очерка предстанут ясней, — прием будет оправдан. Тем паче, что Бендер — не шекспировская вдова. Неподражаемость Остапа (сей *квалификацией* мы начали очерк) вне сомнений, а сходство — не подражание. ¹¹

Прием, кстати, был отлично знаком М.В.: *как историк* она писала о нем, изучая творчество Н.А. Рожкова (тот выявлял в русской истории *психологические типы* и использовал материал «литературных произведений, главным образом, близких нам по времени», — в том числе «Анну Каренину»), вникая в мастерство В.О. Ключевского (автора статьи «Евгений Онегин и его предки»), сама исследуя образы гробоводских героев... *А как человек* — сравнивала себя с Печориным, притом «детально». ¹² Что же до сходства (которое — не подражание), то прежде всего оно видится в *неоднозначности* обеих фигур, во внутренней их сложности. Внутри одной и другого — кипели страсти, сталкивались... много чего там сталкивалось. Это мы к тому, что у будущего советского академика и сына турецко-подданного было много общих черт. *Множество*.

* * *

Произведем же более детальное сопоставление», ¹³ и начнем с биографий. И тот, и другая были не просто соотечественниками, современниками, но — *ровесниками*. Остапу в 1927 году было 28 лет (1;55); ровно столько и Милице. Детство обоих прошло в провинции, хоть и не глухой; впрочем, «счаст-

10
Нечкина М.В. Русская история в освещении экономического материализма. (Историографический очерк). Казань, 1922, с. 43. (Далее: *Нечкина М.В. Русская история...*). «Поясняющий образ» — ее выражение. См.: Нечкина М.В. Читая Маркса... М., 1984, с. 39.

11
Квалификация (в смысле — оценка, характеристика) — термин нашей героини. См.: Нечкина М.В. Встреча двух поколений. М., 1980, с. 248,249. К ее *словечкам* мы, признаться, неравнодушны. У Ильфа была сходная черта: он «любил отдельные словечки. Увлекался ими. У него было огромное уважение к слову». (Петров Е. Мой друг Ильф. М., 2001, с. 77). Читателям диалогии сие передавалось «по воздуху».

12
Нечкина М.В. Русская история..., с. 71,72; *ее же*. Василий Осипович Ключевский. М., 1974, с. 298; Вопросы истории, 2005, №1, с. 118. Внутреннюю связь с Печориным исследователи видят и в Бендере («радость борьбы, скитальчество...»). (Щеглов Ю.К. Романы Ильфа и Петрова. Спутник читателя. СПб., 2009, с. 69). Сам Остап сравнивал себя с Евгением Онегиным (2;376).

13
Нечкина М.В. Кто автор «Записок И.И. Горбачевского»? — Исторические записки, т. 54. М., 1955, с. 288.

ливое детство можно опустить». В гимназические годы зубрилась латынь («пуэр, соцер, веспер, генер...»), ввергла в трепет «физика Краевича»... Неподражаемый Остап учился в одесской гимназии Илиады (2;156,198,200,246), блистательная Милица — в казанской Ксенинской гимназии (для поступления в университет ей пришлось, кроме того, «сдавать экзамены за более полный курс мужской гимназии»)¹⁴.

Счастливое детство

А дальше — «юность, начало жизни» (2;246), и тут же, как налетевшая гроза, — революция, гражданская война... «Пусть все кругом темно, пусть тяже-

ло, — писала в 1918 г. Нечкина, — пусть кажется, что все рушится, пусть кажется, что гибнет Россия... но пока наука не умерла, жить еще можно».¹⁵ Эти слова в дальнейшем у нас будут повод вспомнить.

14

Зарецкая М. Академик. — Работница, 1974, №5, с.6.

15

«...Когда я буду «великим человеком»... очень пригодятся мои тетради...» (Из личных дневников академика М.В. Нечкиной). Публ. Е.Р. Кураповой. — Отечественные архивы, 1997, №5, с. 85.

16

Рудницкая Е.Л. История в человеке. — Отечественные архивы, 1997, №6, с. 94; Манфред А.З. Указ. статья, с. 27, 28.

Из передраг эпохи оба вышли стойкими жизненными бойцами, оптимистами, прочно верившими в себя, в свою удачу. Е.Л. Рудницкая так характеризует молодую Нечкину: «начитанность, широта интересов соседствуют с неколебимой целеустремленностью, уверенностью в своих интеллектуальных возможностях, честолюбием, независимостью суждений, стремлением самой дойти до сути вещей». Точно сказано, но разве нельзя сие отнести и к Бендеру? «Свежесть мысли и душевное равновесие» (1;213) — и это, в свою очередь, применимо к обоим! Об остром уме, всесторонней талантливости и говорить нечего. «Удивительный, яркий», «не поддающийся точному определению» — так писал о таланте Нечкиной А.З. Манфред; то же можно сказать об Остапе.¹⁶

Оба героя были красноречивы, жили в стихии слов. Не чурались и сочинительства — в разной мере, конечно. Нечкина — ас исторического повествования, но и Бендер — не уборщик в ангаре. Звезды столичной прессы враз признали в нем своего: «Вы — профессионал пера! — закричал Лавуазьян... Великий комбинатор не отрицал того, что он — профессионал пера» (2;304). Киносценарий «Шея» он написал за ночь: «сидел у подоконника и писал при свете керосиновой лампочки. Ветер, забегавший в окно, перебирал исписанные листки. Перед сочинителем открывался...» (2;265). Некий *художественный образ*, думаем, перед ним открывался. Не сомневаемся, что первые свои опусы и М.В. слагала в сходной обстановке.¹⁷

А — кропанье Остапом стихов («ночью, при колеблющемся свете электрической лампы...»)? А — его стихотворение «Тринадцатый Ваал»?.. Факты, господа присяжные заседатели, именно факты дают основание

М. Кузмин

Фото М. Наппельбаума

считать Бендера *поэтом*, тем более что он и сам так себя называл (2;246,315,371). Со своей стороны, Нечкина была автором искренних и чистых стихов; нам она с ностальгической улыбкой говорила: «Это сейчас я историк... а раньше я была — поэт. В Казани меня знали — как поэта». По всему чувствовалось: и на склоне лет сие оставалось *важным*. Позже мы узнали, что вместе с матерью Милица вела переписку с М. Кузминым. Посылала ему стихи; тот благосклонно их оценивал, отмечал «большое поэтическое и духовное содержание, большой

17

Скептик скажет: при чем здесь «Шея»? Да хотя бы *при том*, что «странное название «Шея» еще нуждается в объяснении»... (Щеглов Ю.К. Романы Ильфа и Петрова. Спутник читателя. СПб., 2009, с. 578). На данную *шейку*, граждане, мы вскоре кой-что *повяжем*, и крепко. Как писали классики, «„Шея“ — это как раз то, что нам нужно» (2;268). Образ *скептика*, кстати, — нечкинский; он порой возникает в ее текстах. Напр.: «Скептик, прочтя заглавие статьи, спросит...» (Нечкина М. Структура учебника истории классовой борьбы. — В сб.: Вопросы преподавания исторических дисциплин. М., 1927, с.87). Скептицизма у наших читателей к концу очерка, верим, поубавится.

внутренний запас, свои слова и ритмы. Талант, по существу, глубоко женский — вещей, жалящий и волнующий — почти пророческий». И как итог: «Она у вас прелестная вещунья...»¹⁸ Эх, знать бы раньше... сколько можно было от *вещуньи* узнать!

18

Курапова Е.Р. Обзор личного фонда академика М.В. Нечкиной в архиве РАН. — Археографический ежегодник за 1998 г. М., 1999, с.310. Писала, кроме того, Брюсову, Чуковскому, Ахматовой... (Дневники М.В. Нечкиной. Казань и Казанский университет. (1917–1924). Вступительная статья, комментарии и подготовка текста к публикации А.Н. Бикташевой. Казань, 2003, с.73). (Далее — *Дневники...*). См. также: Минувшее. Т.13. М. — СПб., 1993, с. 467, 512.

19

Нечкина В. Старшая сестра. — Казань, 1999, № 7–8, с. 92.

20

Это казалось знаком доверия; жалею, что «комментарии» не записывали... Прежде, впрочем, пришлось бы восстанавливать в памяти сами стихи (в то время неопубликованные). Н.Я.Эйдельман вроде ее устные рассказы вносил в свой дневник. (Вопросы истории, 2006, №7, с. 136).

В студенческие
годы

Свои стихи она помнила до старости, в минуты одушевления читала вслух по 2–3 подряд, и во все не «красиво, с какой-то особой, свойственной только ей выразительностью»,¹⁹ а просто и спокойно, как опытная чтица. Искренне и безыскусно. К стихам давался «конкретно-исторический» комментарий.²⁰ В основу стихотворения «Мой первый был больной...», к примеру, легло выражение казанской домработницы, за ухажерами будущей звезды науки подслеживавшей, оных нумеровавшей и критически оценивавшей. «Пер-

вый-то твой, Милица... был вроде больной...» и т.п. Родителям она делала сообщения в форме: «Еённый-то первый...»; *еённый* говор М.В. умело имитировала. Рассказывала и о героях стихотворения: «первом», «втором», «третьем»... Между прочим, в ее чтении звучало: «Мой третий *был родной...*», а не «*словно день*», как в публикации Сванидзе; полагаем, что была воспроизведена «первая редакция». ²¹ Стихотворение кончалось словами: «Все это очень просто...»; в виде устного резюме, после паузы, добавлялось: «Просто, да не очень...» Примерно так.

21

Приведем сей стих полностью, он того стоит.

Мой первый был больной. Ходил он вечно с палкой.
В его устах «люблю» — как стук надгробной крышкой.
Мой первый был больной. Его мне было жалко.
И я ему носила книжки.

Второй мой был стальной, с холодным гордым взглядом.
К нему влекло меня неотразимой силой.
Он не любил меня. И если шли мы рядом,
То книжки я сама свои носила.

Мой третий — словно день. Но это сердце брать я
Не стану. Он хорош, высок и строен ростом.
Он полюбил меня нежней, чем любят братья.
И носит книжки мне.
Все это очень просто.

(Вторая муза историка. Под ред. А.А. Сванидзе. М., 2003, с. 176). «Первым» был В.Т. Дитякин (о нем бо-ольшая речь впереди), «вторым» — филолог Н.П. Андреев, «третьим» — историк В.Ф. Семенов (в одной из ранних дневниковых записей фигурирующий даже как «жених»). (Отечественные архивы, 1997, №6, с. 44). Особое внимание читателей обратим на неизменно сопутствовавший любовным чувствам атрибут: книжки... книжки... книжки... *Книгоцеем* Нечкина была смолоду до глубокой старости.

22

Читала и поэтов-современников, в том числе Пастернака. Хорошо помним в ее устах «О, знал бы я, что так бывает...», — тоже с *послесловием*. По духу это было почти *авторское* чтение; строки поэта она явно «примеряла» к себе. Выражение «пускался на дебют» разбирала как филолог: допустим ли подобный вульгаризм? (Складывалась картина «заочного»... запоздалого... продолжения спора с Пастернаком; формально, впрочем, произносилось: «Ему говорили...»). И происходило сие — внимание! — совсем незадолго до смерти, в безрадостной обстановке больничной палаты, куда мы пришли ее навестить. В труднейший момент жизни у М.В. оставалась потребность в стихах, в звучании их рядом с ней... в ней самой... Это производило сильное впечатление. (Много позже прочли мы воспоминания Г. Серебряковой о посещении в больнице М.Н. Покровского, учителя и друга Нечкиной. В палате умиравшего историка... звучали стихи! Последняя встреча с М.В. встала в нашей памяти сама собой).²²

Серебрякова Г. О других и о себе. М., 1971, с. 96.

Среди стихов были ироничные, колкие; из дневников следует, что подписывала она их — «Окунь». Псевдоним... м-м-м... странный, но если вдуматься — кой в чем отражавший черты личности.

Я окунь, живой и холодный,
В серебряном блеске чешуй.²³

В известном труде Л.Н. Сабанеева «Рыбы России» читаем: окунь — «проворная, сильная и хищная рыба. Надо удивляться жадности и упорству, с каким он преследует поверху какую-нибудь рыбку... Несчастливая рыбешка как шальная выпрыгивает из воды, а окунь кружится над нею...»²⁴ Как ныне выражаются, картина маслом (данное выражение, впрочем, имелось и в «Золотом тельце»), (2;341). Описывая М.В. — полемистку, мы приведенную картинку вспомним. А здесь скажем так: обладатель сходных черт Бендер, хоть поэтическим псевдонимом и не обзавелся (*Остап Окунь* было бы забавно), в промежутках между преследованием разного рода рыбок — сыпал стихотворными строками направо и налево; кстати, и «подражать интонациям» умел (1;247).

А вот сходство поважней: сын турецко-подданного был автором историко-биографического исследования (!) об одной весьма примечательной фигуре — А.И. Корейко,

о внутренней, скрытой от посторонних его жизни, о связях с *оччень* характерной группой современников. Остапа интересовали знакомства и «внеслужебные дела» героя с «геркулесовцем Берлагой», «геркулесовцем Скумбриевичем», «геркулесовцем Полыхаевым»... (2;249). Вам, знатоки отечественной литературы, сие ничего не напоминает? Именно так построена книга «Грибоедов и декабристы» (в «исторической» ее части).

Кроме использования данного — узнаваемо-нечкинского — приема, автору фундаментального труда «Корейко и геркулесовцы» (если нам будет позволено так его назвать) пришлось выказать страсть первооткрывателя, научную дотошность²⁵, систематичность, чутье на материал, своеобразное «предвидение» оного, глубокую *заинтересованность* найденными документами

Дневники..., с. 94.

Сабанеев Л.Н. Рыбы России. Т.1. М., 1993, с. 23. И далее: «Плавают окуни очень быстро, однако толчками, часто внезапно останавливаясь и потом опять бросаясь вперед». (Там же). Не было ли — приходит на ум — сабанеевского фолианта в домашней библиотеке Нечкиных?.. А если да — не листала ли его с интересом одна любознательная дева?

«Он действовал как старатель, неустанно промывающий тонны грязи и песка, чтобы найти на дне несколько золотых крупинок» (2;179).

(вплоть до возникновения к ним *личного* отношения)... «Остап работал с увлечением», — узнаем мы от авторов диалогии (2;202). А вот что пишет о Нечкиной Е.Л. Рудницкая: «Она вкладывала в свое научное творчество подлинную страстность, ей было присуще остросубъективное, какое-то глубоко личностное отношение к предмету исследования... И в то же время она обладала холодным, трезвым умом аналитика».²⁶ Похоже.

Названные, нечкинские по сути, свойства Бендер демонстрировал и в предыдущем своем творческом поиске — в погоне за стульями. На них он находил *документы* (!), сортировал их и изучал. Прислушаемся к словам великого комбинатора при обнаружении у архивариуса желанных ордеров: «Помню, игрывал я в гостиной на ковре хоросан, глядя на гобелен «Пастушка»...» (1;112). Более *личного* отношения к ордерам (с учетом, конечно, ильфонетровского, иронически-сниженного подхода к теме) нельзя и представить! А с каким восторгом потомок янычар обозревал владения Коробейникова... «Ого! — сказал восхищенный Остап. — Полный архив на дому!.. Вы прямо герой труда!» (Увидев такой интерес, архивариус стал увлеченно «вводить гостя в детали любимого дела»), (1;110). Картина опять-таки *нечкинская*; М.В. писала об архивах: «В душевном, эмоциональном плане они — источники вдохновения, радости, волнений исследователя...»²⁷

О Коробейникове прибавим следующее. На страницах журнала «Казанский библиофил» (где в начале 20-х годов Милица стала печататься) мы нашли статью «Берегите архивы»; речь в ней шла о людях как раз данного типа. Автор указывал на «лиц, в ведении коих уже хранятся прежние архивы», и заявлял: «Эти „хранители“, часто являющиеся губителями архивов, должны стать подлинными хранителями... Мало хранить архив, т.е. бросить его в чулан. Нужно беречь его... привести в порядок, систематизировать...»²⁸ Остапов знакомец встает с сих строк как живой. Под статьей чернела буква «Н». Не *Нечкина*, конечно, но... тут важен контекст. Становление М.В. как *профессионала пера* протекало в окружении... вот именно... *ильфонетровских* образов и тем! Будущих ильфонетровских, сказать точнее. Корни нашей героини были — там, в той «художественно-политичес-

Рудницкая Е.Л. Указ. статья, с 99.

Деятели науки и культуры об архивах. — Советские архивы, 1968, №4, с. 10. И — здесь же: «Деятельность историка неразрывно связана с архивами, и без них он не может представить себе путь к цели». Таким путем шел и Бендер.

Казанский библиофил, 1921, №1, с. 56.

Ильф и Петров
Дружеский шарж
Б. Ефимова

кой» среде; таинственное «Н» под названным материалом данное обстоятельство «мистически» *высвечивало*.

Укажем и на умение Остапа *выстроить* собранные документы, эффектно подать их. И — на профессиональное удовлетворение от «длительного добросовестного труда», от мастерски сделанной работы. «Последний раз полюбовался он хорошо разглаженными показаниями, телеграммами и различными справками... Вся жизнь Александра Ивановича Кореяко

лежала в папке» (2;231,244). Легко представить, как великий комбинатор *перебирал* названные бумажки, бережно их *разглаживал* (!), менял местами, обдумывал, как будет лучше... Что-то нам сие напоминает... Не рекомендации ли М.В. (как и ее *молочный брат*, любившей «держать дела в порядке»), (2;231) насчет карточек с накопленным материалом?

«Когда соберется много материала из разных книг... классифицируйте его по отделам... Собранные карточки могут привести к решению изменить названия ранее намеченных отделов или создать новые. Меняйте, переставляйте...»;

29

Нечкина М.В. Как работать над научной книгой. — Комсомольский активист, 1935, №5, с. 27; *ее же*. Как работать над научным докладом. М., 1980, с. 12, 19. Данную — редкую! — брошюру (роттапринтным способом изданную) нам в свое время вручила И.Н. Ковалева, одна из учениц академика. Издание брошюры организовала она сама.

30

Федоров В.А. Нечкина М.В. (1899 — 1985). — В кн.: Историки России. Биографии. М., 2001, с. 691.

«Последний этап работы обычно дает большое удовлетворение — он все окончательно приводит в ясность, делает результаты работы отчетливыми, осязаемыми». Фирменный нечкинский метод! «Все мои работы написаны с использованием именно этой техники и методики». ²⁹ Нечто подобное слышали от нее в свое время и мы, — как, не сомневаемся, и другие аспиранты.

Самое место упомянуть об ораторском искусстве М.В. «Учеников и слушателей Нечкиной всегда поражали яркость и образность ее лекций» — именно так. ³⁰ Но лекторской работы не

чурался и Бендер; одна из его лекций даже *датирована*: 22 июня 1927 г. ³¹

Были и другие выступления, в том числе в качестве сына Крепыша и любимца Рабиндраната Тагора (1;313),(2;72,76,340). Много чего было.

Что до Нечкиной, то за границей она читала лекции и по-французски. «Пардон, пардон... после лекции я несколько устал», — так, вслед за великим

31

Недурно было бы — для пушного эффекта — выявить нечкинскую в тот день лекцию... Увы, дневник будущего академика за 1927 г. почти пуст. (Вопросы истории, 2005, №3, с. 134).

Остап Бендер
артист С. Юрский

комбинатором, могла бы сказать и она. Хорошему ее французскому в ильфопетровской диалогии «соответствовало» подсыпание Остапом в речь словечек «антр-ну», «тет-а-тет», «гран мерси» (1;244,245,323), «ситуайен», «мон дье» (2;32,172)... Вопрос о чистоте произношения мы не ставим (с нами М.В. общалась на чистейшем русском), но заметим: Сергей Юрский в роли Бендера артикулировал слово «ситуайен» с бо-ольшим вкусом.

32

Нечкина М.В. Лекции в дни войны. — В кн.: В годы войны. М., 1985, с. 38,39. *Ой ли! Так ли?..* — такие пометы она оставляла на полях наших аспирантских (машинписных) текстов.

Кто-то подметит отличие: выступая перед публикой, Остап присваивал звания, им не заслуженные: *гроссмейстер* (старший мастер), сын лейтенанта Шмидта, профессор (!), (2;383)... Профессор Нечкина вроде ни за кого себя не выдавала, чужих званий не носила... *Не носила*, — сказали мы и смолкли. *Ой ли! Так ли?..* Так ли уж — не носила? Сама она признавалась, что, выступая в 43-м году с историко-патриотическими лекциями, «получила на время военное обмундирование и, к великому своему удивлению, условное воинское звание». ³² Живописная остапова *фуражка* вспоминается тут во всей красе:

«фуражечку милицейскую не забудьте... она на столе осталась» (2;71,162,165). Выдавала себя М.В. — без шуток! — за *подполковника!!!* «Об одном жалею, — резюмировала она, — не сфотографировалась в форме».³³

33

Там же. В голову вмиг приходит «облик знаменитого лейтенанта с бледным лицом и в черной пелерине с бронзовыми львами и застежками» (2;13,14).

34

В том же году в столицу прибыли будущие авторы дилогии («братья-сатирики», в нашей несовершенной терминологии); данное обстоятельство в *главном тождестве* настоящего очерка кой-что проясняет. Е.Петров о названном времени писал: «В Москву понаехало множество провинциальных молодых людей для того, чтобы завоевать великий город» (5;508); его свидетельству нельзя не верить. И Остап, думаем, в те годы прибыл... «Втерся», как говорится, в общежитие химиков... свел дружбу с неким Иванопуло... Иначе — как бы он затем столь уверенно и спокойно туда вселился? «Тщетно пытались ряды новых студентов ворваться в общежитие. Экс-химики были необыкновенно изобретательны и отражали все атаки» (1;161). *Необыкновенная изобретательность* — вот что было в 20-е одним из залогов успеха.

Ильф, Петров
и москвичи

ехав в красную столицу в качестве делегатки съезда научных работников (от казанской секции), она направила стопы... ни больше, ни меньше... к М.Н. Покровскому, занимавшему в тогдашней иерархии место повыше председательского в г. Арбатове. (О Покровском, заметим в скобках, нам будет что сказать ниже).

Не снялась, но хотела сняться. Здесь проступало различие: лектор Бендер не фотографировался из принципа.

* * *

Не лишено любопытства появление нашей подзащитной в Москве в ноябре 1923 г. «Действовать смело!» — учил Остап (1;222). И вел себя соответственно. Милица действовала именно так.³⁴ При-

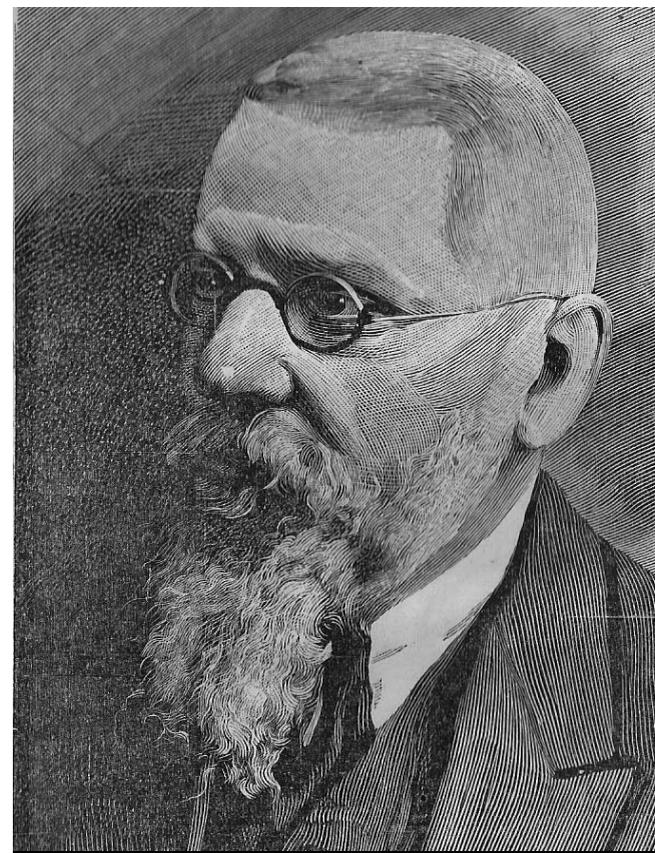

Я.А. ЯРОСЛАВЦЕВ

Узнала адрес, вошла в нужный подъезд, позвонила в дверь и сказала... что, бишь, она сказала? Примерно так: «Вы меня не узнаете?» (2;13). С добавлением: «Я — Нечкина». (Спустя годы это рассказывалось в манере, до известной степени «воспроизводившей» давешнюю). В руках дерзкая особа держала... не остопов, конечно, саквояж, но — сумку с «Русской историей в освещении экономического материализма» — первой ее опубликованной книгой.³⁵ Впоследствии мы сей труд проштудировали («надо же знать») и обнаружили следующие строки: «Покровский — „жизнелюб“», «манера изложения у Покровского пленяет своим изяществом...», «все его расхождения с теорией экономического материализма как-то глубоко трогательны...», «Покровский чарует анализом „молекулярного“ исторического процесса, тонким чутьем исторической

35

То был запасной «дарительный» экземпляр; в Москву она книгу в свое время послала (на адрес Комакадемии, что ли... или как там сие учреждение в 1923 г. называлось...), но не была уверена, что посылка дошла.

М.Н. Покровский
Седой милицын учитель